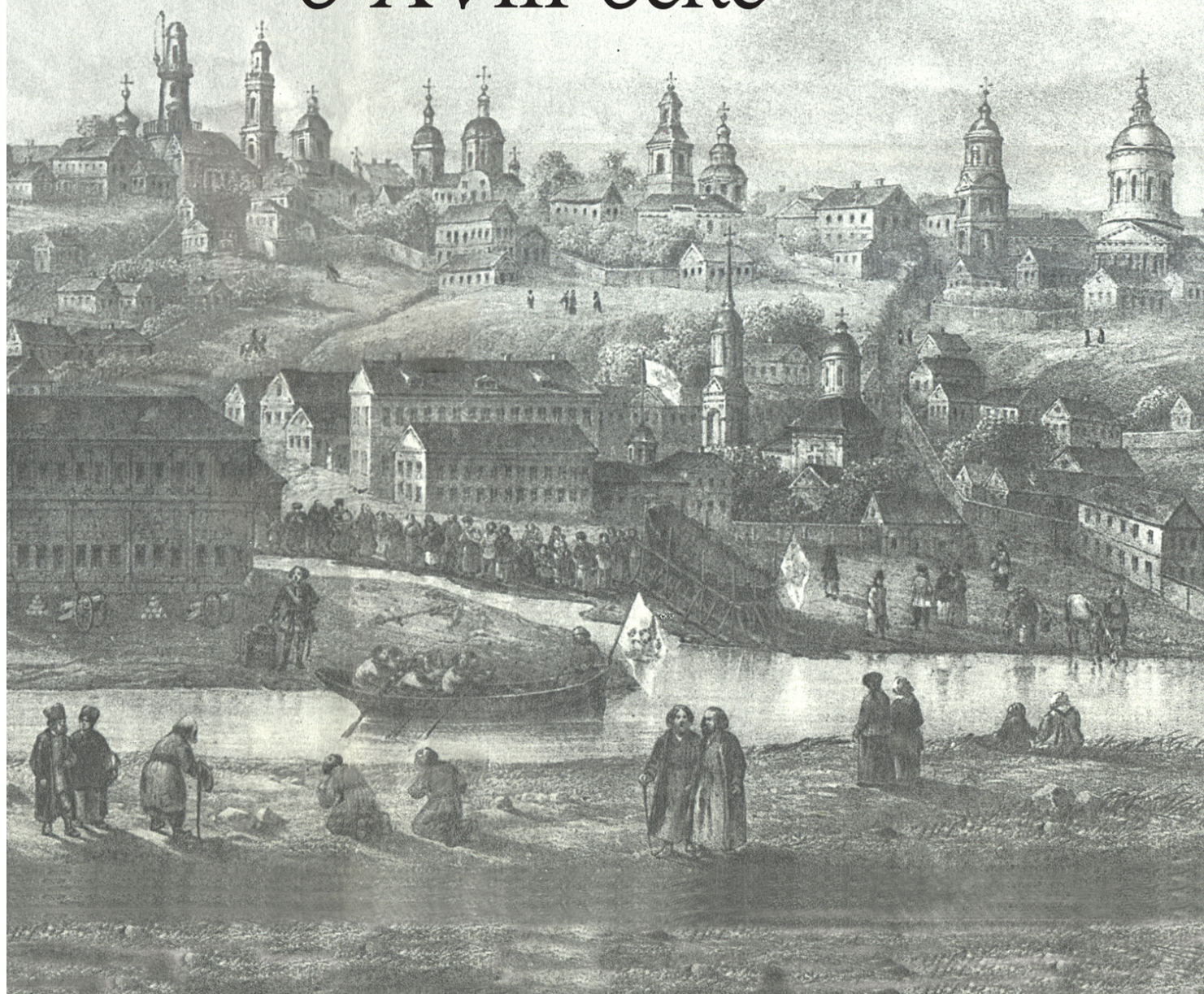

Е. ПОСЕЛЯНИН

Очерки

из истории
русской церковной
и духовной жизни
в XVIII веке

Евгений Поселянин

**Очерки из истории русской
церковной и духовной
жизни в XVIII веке**

Православное издательство "Сатись"

2011

Поселянин Е. Н.

Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVIII
веке / Е. Н. Поселянин — Православное издательство "Сатись",
2011

ISBN 978-5-7373-0217-2

В тесных рамках настоящей книги мы рассмотрим выдающиеся события в русской духовной жизни XVIII века и помянем труды этих подвижников веры и просвещения духовного, чьи руки спасли Россию от великой угрожавшей ей опасности умаления в ней праотческой веры и вывели из бурь корабль Русской Церкви с неистраченным ее сокровищем – всею полнотою и истинною Православия.

ISBN 978-5-7373-0217-2

© Поселянин Е. Н., 2011
© Православное издательство
"Сатись", 2011

Содержание

Предисловие	6
Глава I	7
Глава II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Евгений Поселянин

Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVIII веке

*По благословению
Митрополита Санкт-Петербургского и Ладозского
ВЛАДИМИРА*

Предисловие

Почти весь восемнадцатый век представляет собой одну из самых тяжелых эпох русской истории.

То был век полного переустройства практически во всех областях жизни. Как часто болезнен бывает чрезмерно быстрый рост организма, так же болезненно было многое в тех коренных, внезапных преобразованиях, которые точно желали искоренить все старое, даже если оно было хорошо: искоренить только лишь оттого, что оно было старое, а на месте этого старого насадить новое, не всегда удачное.

В этой погоне за нововведениями были чрезмерные увлечения, преувеличения. Желали освежить религиозную жизнь народа – и ударились в протестантизм; желали усовершенствовать монашество – и чуть было не разрушили его.

Но, слава Богу, время и жизнь исправили все, что непрочного, скороспелого было в реформах XVIII века.

И, если мы сравним время Феофана – эту эпоху доносов, судов над архиереями, погибавшими в ссылках и казематах, – с эпохой Платона, стоявшего на рубеже XVIII и XIX веков (несмотря на то, что и при нем были недочеты в положении Церкви), – мы будем удивлены чрезвычайною разницею между настроениями и, так сказать, колоритами обеих эпох. В первой – общая смятенность, подавленность, страх; во второй – тишина и спокойствие.

Глава I

Религиозные воззрения Петра Великого. Недовольство приверженцев старины. Последний Патриарх Адриан. Переходное время. Монастырский приказ. Местоблюститель Степан Яворский и его стояние за православие

Последний Патриарх Московский Адриан был человек старого склада, со столь неподвижными убеждениями, что никак не мог сочувствовать деятельности Петра, страстною рукой увлекавшего Россию по пути реформ.

Насколько Патриарх Адриан был верен старине, видно из того, что он предавал анафеме брадобритие, что курение табака возбуждало в нем ненависть такую же, как и лютеранские верования. В одной из своих проповедей он жалуется, что многие «от пипок табакских и злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков обьюродели». В этой проповеди его звучит глубокое недовольство вольнодумством нового времени: «Совратясь со стезей отцов своих, говорят: “Для чего это в Церкви так делается? Нет в этом пользы, человек это выдумал...” Едва только святым книгам узнает имя или склад словесный, и уже учит архиереев и священников, монастыри правит, устрояет чин церковный».

В начале царствования Петра, когда юный царь сперва был под опекою царевны Софьи, потом под влиянием матери своей, Натальи Кирилловны Нарышкиной, до того ненавидящей иностранцев, что она нигде не допускала их к своей руке, – такое направление не шло вразрез с главным течением времени.

Но Петр вырос, созрел, его характер отлился в оригинальные формы. В нем не было духа древнего великорусского благочестия, он не дорожил формами этого благочестия, хотя был человек глубоко верующий. Он всем существом своим был практик. Учившись на ходу, среди потех, он бросился прежде всего к тому, в чем видел пользу. Не вероисповедные толки, не блеск богослужений церковных, к чему так лежала душа бывших московских князей и царей, занимали Петра, а крепости, верфи, флоты, пушки, ремесла. Большинство прежних русских людей не решились бы знаться с еретиками – иностранцами. Петр же без всякого сомнения пошел к ним за внешними знаниями.

Суровый делец с какою-то болезненной ненавистью к религиозной исключительности: таков был Петр, и таким вышел он отчасти благодаря обстоятельствам. В начале его царствования произошли страшные бунты тупых приверженцев старины, называвших себя староведами, волнения невежественной черни под личиною веры, во имя будто бы древнего православия, заговор на жизнь Петра, восстание стрельцов. И то, что все эти люди прикрывались мнимою религиозностью, выставляли веру отцов как знамя, за которое они боролись, – все это и образовало в Петре такую вражду ко всему, что имело вид религиозной обособленности и исключительности. Эти же обстоятельства придали реформам Петра крутой, насильственный, несколько даже жестокий характер.

Но глубокою несправедливостью было бы обвинять Петра в недостатке любви к России, в отсутствии религиозных чувств. Россию он любил пламенно и в отношениях к Европе видел лишь орудие для усиления России. «Европа, – писал он, – нужна нам только на несколько десятков лет. А после того мы можем обернуться к ней задом».

Служение России, ежедневный настойчивый труд для нее представлялись Петру высокою религиозною обязанностью.

«О Петре ведайте, – говорил он пред Полтавскою битвою, – что ему жизнь не дорога; жила бы только Россия во славе и благоденствии». «Молись и трудись, – повторял он часто и прибавлял к этому слова апостола, – аще кто не хочет “делати, ниже да яст”». Раз он написал боярину Стрешневу: «Мы по заповеди Божией к праотцу Адаму в поте лица своего хлеб едим».

Петр сознавал, что самые упорные труды могут быть неудачны, если не будет на них Божия благословения. На это указывают его слова: «Быть трудолюбивым и честным – вот лучшая политика человека, власть имущего. Приносит она, однако же, мало пользы, если не сопутствует ей благословение Божие». В великих обстоятельствах своей жизни Петр всегда с особою силою помнил о воздействии Провидения. Так, по случаю взятия Азова, Петр писал Шереметеву: «Письмо ваше о пресчастливой победе с превеликою радостью приняли и Господу Богу сердечно благодарили. Ибо таковые случаи Ему единому приписывать достоин». При известии о заключении мира со Швецией царь писал: «Николи наша Россия такого полезного мира не получала. За еже все – да будет Богу, всех благ виновнику, выну хвала». После неудачи с турецкой армией на берегах Прута Петр писал в Сенат: «Так воля Божия благоволит, и грехи христианские допустили. Но мню, что праведный Бог может к лучшему сделать».

Петр маливался Богу. По праздникам ходил в церковь и по живости своего характера пел на клиросе, читал Апостол. Но все же нельзя сказать, чтобы он отличался особою набожностью. Все проявления древнерусской набожности: постничество, многочисленные земные поклоны, много свеч, зажженных пред образами, любовь к звонким колоколам – все это ему не нравилось, было не в его духе. Но порою религиозное чувство вспыхивало в нем с силою, искавшею внешнего выражения. Когда после страшной бури на Белом море он пристал к берегу у Петроминского монастыря, то, полный благодарности к Богу за спасение жизни, поставил в память об этом крест. Одержав Полтавскую победу, которая прославила Россию громкою славою и дала ей значительное место среди европейских держав, Петр, под наплывом сильного религиозного чувства, собственноручно воздвиг на поле битвы крест с надписью: «Воины благочестивые, за благочестие кровию венчавшиеся в лето от воплощения Бога Слова 1709». Проживая дни лечения в Богемии, в Карлсбаде, Петр часто удалялся для уединенной молитвы на гору неподалеку, где доселе деревянный крест означает место царской молитвы.

Однажды государь прибыл в Смоленск для казни взбунтовавшихся стрельцов. Когда преступники были уже подведены к плахе, из толпы народа к ногам государя бросилась игуменья Смоленского монастыря Марфа с громким воплем о помиловании. Царь смягчился душою от этой неожиданной мольбы, подал рукою знак остановить казнь и отменил ее. Ощушая сладость прощения и желая отблагодарить Марфу, царь приказал, чтоб она требовала от него, чего пожелает, и что он все исполнит. Марфа просила воздвигнуть в ее обители вместо деревянной – каменную церковь, что и было сделано.

Переезжая в Петербург, Петр перевез из Москвы много прославленных чудотворных икон. Так, перевез он знаменитую Казанскую икону, свою келейную – Нерукотворного Спасителя, находящуюся поныне в «домике Петра Великого» на Петербургской стороне, Знамения Царскосельскую, Всех Скорбящих Радости.

Но, как всегда бывает с людьми страстного характера, несочувствие Петра к набожности древнерусского склада выразилось в формах чересчур резких, иногда непристойных и даже неостроумных.

Так, Петр учредил «всешутейший и всепьянейший собор», во главе которого поставил бывшего своего учителя, пьяницу Никиту Зотова, с титулом патриарха Иренбургского, Яузского и всего Кокуя; членам этой шутовской компании были розданы имена еkkлeзиархов, диаконов и так далее; сам Петр принял на себя должность протодиакона.

Понятно, что такие поступки сильно возбуждали против Петра и его серьезных реформ ту часть русского общества, которая чтит старину. И дело дошло наконец до того, что некоторые стали считать его антихристом. К чувству оскорбленного национального достоинства, раздраженного и задетого неуместными придатками реформ Петра, присоединилась и великая экономическая тягота, так как реформы, особенно военная часть, требовали громадных расходов.

Помимо издержек на военное дело, дорого стало русскому народу и построение Петербурга, к которому стогнали плотников, каменщиков и разнообразных мастеров.

Не в одной среде старой родовой Москвы, крепко привязанного к старине служилого сословия и являющегося всегда консервативным элементом духовенства деятельность Петра осуждалась и вызывала тяжелое чувство. В скорости, с какою Петр преобразовывал Россию, было, конечно, что-то непосильное народу, который напрягался из последних сил.

Насколько правительству приходилось быть изобретательным в собирании денежных ресурсов с народа, видно, например, из указа о гробах от 15 января 1705 года: велено было отобрать дубовые гробы, наказывая неприславших; собранные продавать по цене вчетверо; если принесут покойника в дубовом гробе без указанного ярлыка, допрашивать.

Поборы натурою были постоянно. Монастырский приказ, ведавший по смерти Патриарха Адриана монастырями и их имениями, постоянно должен был доставлять на государственные надобности крупные средства. В 1705 году последовал указ: архиереям и настоятелям монастырей давать жалованье «против прежних дач с убавкою», и очень значительную, «а в архиерейских домах всяких чинов людям» давать половину, а «другую половину собирать в монастырский приказ на дачу жалованья ратным людям».

В Москву с монастырей требовали лошадей на смотр, не годятся ли для военного дела, требовали каменщиков, кирпичников, столяров, кузнецов, и печатников, и денег, денег, денег для корабельной стройки. Для верфей, для войн.

В 1707 году Петр, нуждаясь в деньгах для войны, дал приказ прислать в Москву из архиерейских домов и монастырей серебряную казенную посуду, оправленную серебром сбрую и ломаное серебро, кроме освященных сосудов и церковных вещей.

Что силы населения были истощены, видно, например, из того, что сочувствовавший реформам Петра Новгородский митрополит Иов пишет Государю челобитную с просьбой освободить его от посылки плотников на Воронежскую верфь, а позже говорит о невозможности выслать денег: «У меня денег нет. Да освободит великий Государь нас от такого несносного и невозможного даяния».

Вот на почве этого экономического изнурения и всякое неудовольствие духовною, так сказать, стороною реформы принимало болезненное направление, выражавшееся хоть бы в признании Петра антихристом.

Жаловались даже солдаты, жаловались горько. Сохранилось интересное подметное письмо 1716 года.

«Уже тому 15 лет, как началась война со шведом. Нигде мы худо не сделали и кровь свою не жалеючи проливали, а и поныне себе не видим покою, чтобы отдохнуть год или другой; жен и детей не видим. Сравнили нас с посохою, как пришел из кампании, из лесу дрова на себе носи, и день, и ночь упокою нам нет... Уже чрез меру лето и осень ходим по морю, чего не слышано в свете; а зиму также упокою нет на корабельной работе, а иные на камнях зимуют, с голоду и холоду умирают. А государство свое все разорил, что уже в иных местах не сыщешь у мужика овцы».

Конечно, Петр сознавал это недовольство населения, которому в государственных видах должно было напрягаться до последней возможности. Он глубоко страдал, видя непонимание своих стремлений, своей жажды быстро, гигантским шагом, двинуть Россию вперед.

И особенно тяжело ему было видеть несочувствие себе в лицах, стоявших на высоте, всеми видных, задававших общий тон. А первым из таких лиц был Патриарх.

Глубокая внутренняя рознь была между Петром и последним русским Патриархом Адрианом. Петр не принимал от него того, что принимал от совершенно неизвестных ему лиц.

Выше было рассказано, как смоленская игуменья Марфа вымолила у Петра избавления стрельцов от казни. Патриарх Адриан в Москве, помня древнее право святителей московских печаловаться за опальных, пришел в застенки с иконою Богоматери на руках и молил царя о

пощаде стрельцов. Петр не принял его печалования. «Зачем ты здесь? – закричал он. – Скорее уходи и поставь икону на свое место. Знай, что я не меньше твоего чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой дом и истинное благочестие обязывают меня заботиться о народе и карать злодеяния, ведущие к общей гибели».

Сперва Адриан резко осуждал иноземные обычаи, вводимые царем, но скоро должен был замолчать. Последнее время он жил безвыездно, ни во что не вмешиваясь, под Москвой, в своем любимом Николо-Перервинском монастыре.

Народ был этим недоволен и говорил: «Какой он Патриарх? Живет из куска, бережет мантию да клобук белый, затем и не обличает».

В этом безучастии Патриарха Петру виделось пассивное сопротивление реформам. Он казался Петру как бы сосредоточением недовольства всей страны. Пусть он сейчас молчал. Он или его преемник мог заговорить, а Петр знал, что, в случае резкого осуждения Патриархом реформ, выйдет еще более хлопот и недоразумений, чем с Никоном. Когда Адриан в 1700 году умер, Петр, не уверенный в том, что найдет среди высшего духовенства лиц, безусловно сочувствующих его преобразованиям, решил повременить с выбором нового Патриарха. Начавшаяся Шведская война дала ему повод продлить переходное положение под тем предлогом, что ему недостает душевного спокойствия, необходимого при выборе столь значительного лица, как Патриарх. Это было первым шагом к отмене патриаршества.

Рязанский митрополит Стефан Яворский был назначен местоблюстителем патриаршего престола. А патриаршим домом, домами архиерейскими и монастырскими велено было ведать боярину Мусину-Пушкину: «сидеть на патриаршем дворе в палатах и писать монастырским приказом».

Ведомству этого учрежденного (или, вернее, возобновленного 24 января 1801 года) приказа подлежало управление патриаршими, архиерейскими, монастырскими и церковными вотчинами; устройство и содержание тех церковных учреждений, от которых были отобраны в собственность государства эти вотчины; установление штатов, назначение настоятелей, строительная часть, посредничество между Церковью и государством. Учреждением этого приказа сделан был первый шаг по переводу церковных вотчин в безусловное ведение государства. Тотчас по учреждении приказа начали составлять переписи всего церковного имущества. По архиерейским домам и монастырям разосланы были стольники, стряпчие, дворяне и приказные.

Отмена патриаршества сильно не понравилась многим приверженцам старины, которые боялись, что эта отмена поведет за собою потерю церковной самостоятельности. Наместник патриаршего престола был ограничен собранием очередных епископов, вызывавшихся попеременно из епархий в Москву. Совещания между местоблюстителем и этими епископами представлялись на утверждение Петра. Участие в духовном управлении светской власти стало сразу весьма значительным. Совершенно устраненный монастырским приказом от множества упомянутых выше весьма важных дел, состоявших раньше в ведении Патриарха, митрополит Стефан и в чисто духовных делах не имел почти никакой власти. Множество назначений на места духовного управления шло помимо Стефана, по представлению Меншикова, Мусина-Пушкина и других лиц. Исключительно Мусин-Пушкин распоряжался патриаршею типографией, сочинениями, переводами, изданием книг, даже исправлением Библии, хотя это исправление и было поручено надзору Стефана.

Вообще, ревностный к православию, правдолюбивый Стефан много пострадал в жизни, являясь одною из жертв той переходной эпохи. Происходя из дворянской Волинской семьи, Стефан, в жажде образования, должен был поступить в славившиеся тогда галицкие и польские училища и для того, вероятно, на время отступить от православия. Присланный благодетелем своим, митрополитом киевским Варлаамом Ясинским, в Москву, он был замечен Петром, который услышал слово, произнесенное им над гробом боярина Шеина, и который искал

ученых и способных монахов, особенно – не враждебных европейскому духу, чтобы таковыми замещать епископские кафедры. Петр призвал Стефана на Казанскую кафедру, от которой он долго отказывался, так как в Москве его осыпали бранью и клеветами за его пребывание у иезуитов. В Великороссию он внес с собою ту любовь к просвещению, которая составляла отличительную черту малороссийского монашества, принес и свое захватывающее, красноречивое слово. Даже враги его говорили, что, уча в церкви, он мог по произволу заставить слушателей плакать или смеяться.

Свой дар слова он посвятил борьбе с двумя современными ему язвами: расколом и протестантскими веяниями.

Он застал в Москве мнение, что близко пришествие антихриста, что Москва – Вавилон, а жители ее – вавилоняне, слуги антихристовы и сыны погибели. Некоторые брались за вычисления, назначали день и час, когда Христос придет на Суд, и пред назначенным временем делали себе гробы, рыли могилы, закутывались в саваны и ложились ожидать Христа.

Для вразумления таких людей Яворский написал сочинение с обличением этих мнений, показывая, на основании Священного Писания, каковы будут истинные признаки пришествия антихриста.

Совершенно невозможную, дику форму приняло в Москве распространение кальвинистского учения. Полковой фельдшер Тверитинов, набравшись мыслей у врача-иностранца, стал распространять хулы на многие из заветнейших преданий церковных: говорил против икон, креста, мощей, причастия, святых, литургии, постов, против поминовения усопших, значения добрых дел.

Он нашел себе последователей между невежественными стрельцами и мастеровыми. Благочестивый Фома Иванов дошел до такого иступления, что в Чудове монастыре при народе кричал хульные слова на великого святителя московского – митрополита Алексия и разрубил ножом его икону. Стефан Яворский после этого ужасного события тотчас нарядил тайное расследование об этом обществе и, найдя главных виновников, предал их церковной анафеме. Фома был казнен по гражданскому суду.

Чтобы оградить православных от протестантской пропаганды, он написал знаменитый «Камень веры», изданный уже по его кончине.

Чем же кончилось это Тверитиновское дело для ревностного Стефана? Государь остался недоволен поспешностью суда и строгостью приговора. В этом взгляде Государя на дело нельзя не видеть вмешательства сильных при Дворе иностранцев, которые были очень недовольны действиями Стефана. Стефан был вызван в Петербург, где по этому делу ему пришлось вынести много неприятностей.

Если Стефану удавалось иногда склонить царя к какой-нибудь мере в пользу православия (в 1719 году по его внушению Петр издал указ не иначе позволять брак лютеран с православными, как под условием воспитать детей в православии), то в общем постоянная борьба, постоянное несогласие идей Стефана с тем, что творилось высшим духовным управлением, глубоко его угнетали. Смелый, благородный, откровенный, он говорил правду Петру, окруженному протестантами, которые за это и ненавидели его, как непримиримого, стойкого врага.

По словам апостола, «невзирая на лица», в пастырской деятельности своей Стефан, если видел что неправильное, несоответственное достоинству Помазанника в действиях Петра, то не страшился обличать его. Так, во время тяжкого недоразумения, столь прискорбно кончившегося, с царевичем Алексеем, на 17 марта, на память святого Алексия, человека Божия (день именин царевича, находившегося тогда за границею), Стефан в слове своем коснулся современных событий и довольно резко, в весьма прозрачных намеках, осуждал семейную жизнь Петра и жалел царевича. Вот это смелое место: «О! Угодниче Божий, не забуди и тезоимениника твоего и особенного заповедей Божиих хранителя и твоего преисправного последователя. Ты оставил еси дом свой – он также по чужим домам скитается. Ты удалился от родителей

– он такожде. Ты лишен рабов, слуг, подданных, друзей, сродников, знакомых – он такожде. Ты человек Божий – он такожде раб Христов. Молим убо, святче Божий: покрый своего тезоименника, едину нашу надежду». А вот слова, ясно намекающий на Петра: «Море свирепое, море – человеке законопреступный: почто ломаеши, сокрушавши и разорявши берега? Берег есть закон Божий; берег есть – во еже не прелюбы сотворити, не вожделети жены ближнего, не оставляти жены своя; берег есть во еже хранить благочестие, посты, а наипаче четиридесятицу; берег есть почитати иконы».

Быть может, это неполное сочувствие Стефана деятельности Петра раздражало Петра еще больше, чем молчаливое неодобрение Адриана. Адриана, человека неглубокого образования, можно было обвинить в рутине, тогда как Стефан был человек больших дарований, большого ума, глубокого европейского образования, человек выдающийся, блестящий, но вместе – человек, знавший во всем меру, чего так не хватало во всю жизнь Петру. И к концу жизни Стефана местоблюститель патриаршего престола и вознесший его по собственному выбору царь совершенно, кажется, не понимали друг друга.

Царь находил, что Стефан недостаточно деятелен, и обвинял его в распушенности духовенства, во множестве празднобродящих попов и монахов, в существовании кликуш и юродивых, встречавшихся весьма часто, во множестве вымышленных чудес и ложно объявляемых мощах: все это, ложное или истинное, равно, кажется, не нравилось Петру, тогда как все проявления древнего праотеческого благочестия были дороги Стефану, и он относился к ним, прежде чем гнать их, без предубеждения, исключаяющего всякую возможность спокойной критики, беспристрастного испытания.

Хотя при учреждении Священного Синода Стефан был назначен президентом его, многие синодальные распоряжения того времени – отмененные впоследствии, как вредные для Церкви, – шли вразрез со взглядами Стефана. Больной телом, угнетенный духом, он мог оказывать лишь слабое сопротивление веянию нового духа.

Он подавал протесты против новых порядков, которые хотел завести царь в духовной жизни русского народа. Но эти протесты обрушивались на его же усталую голову, навлекая на него гнев Государя и вражду товарищей. Он был в открытой вражде с самым сильным в то время духовным лицом носителем взглядов Петра со всеми их заблуждениями Феофаном Прокоповичем, столь справедливо обвиняемым в протестантизме. Не раз, когда Петр уже избегал свиданий с ним, Стефану приходилось оправдываться пред Государем письмами.

Видя недовольство Государя, вражду к себе членов Синода, с которыми он так не сходился взглядами, Стефан счел за лучшее удалиться из Петербурга. Не добившись объяснения с Петром, Стефан написал ему пространное письмо, помеченное 27 июля 1722 года и подписанное: «Смирный Стефан, пастушок Рязанский».

Он скончался через четыре месяца после этого письма, оставляя свободное поле действий человеку, противоположному с ним во всем, кроме любви к просвещению, – Феофану Прокоповичу.

Тихим, отрадным светом горит чистый образ Стефана Яворского на пороге между двумя эпохами Русской Церкви. Если и лежит пятно на его молодости – временный католицизм, принятый из жажды знания и из невозможности получить иначе полное образование, – то клеветами, которые ему потом пришлось перенести, он вполне искупил этот грех. Он всеми силами служил Церкви, православию, искал не личных выгод, а пользы дела церковного, как, по крайнему разумению своему, понимал эту пользу. Ревностью в проповеди, независимостью в обличении греха, сколь бы высоко, по человеческим меркам, ни свил себе гнезда этот грех, – он напоминает Иоанна Златоуста и Амвросия Медиоланского. Глубоко образованный, он тем не менее понимал, что внешнее выражение религиозного чувства нельзя гнать и осуждать, и потому, где мог, шел против бури, старавшейся низвергнуть многие обычаи праотеческого благочестия, причем часто приходилось ограничиваться лишь бесплодным протестом – протестом,

все же ясно доказывавшим всю чистоту его православия, всю непричастность его тем влияниям протестантизма, которые тогда так свободно злыми вихрями носились над Русской землей.

Глава II

Учреждение Св. Синода. Меры к упорядочению религиозного строя. Взгляды Петра на монашество. Оценка тех и других

При патриаршем управлении Церковь была независима от государства, и лицо Патриарха как бы равнялось лицу Государеву. Это казалось Петру неправильным и небезопасным. Он решил ввести Церковь в общий порядок государственной жизни, подчинить ее общей системе государственного правления, как одну из его ветвей, и духовное правительство сделать коллегией наряду с прочими. Церковь и духовенство становились в общую подсудность государству во всем, исключая догматы и каноны. Звание патриаршее уничтожалось само собою.

Состояла духовная коллегия первоначально из президента (Стефан Яворский), двух вице-президентов (Феодосий Яновский и Феофан Прокопович), четырех советников и четырех ассессоров.

Главною задачею, возложенною на духовную коллегия, было улучшение духовной жизни народа. В нем были распространены самые грубые суеверия, не было часто самых основных понятий о вере и о христианской жизни.

Один за другим стали выходить указы, имевшие целью преобразовать религиозную жизнь народа. Многие из этих указов интересны тем, что рисуют нам религиозно-бытовые черты тогдашнего общества.

20 марта 1721 г. объявлен указ, «чтоб обретающиеся в Москве на Спасском мосту», где были лавки с книгами и лубочными картинками, «ив других местах листы разных изображений и службы, и каноны, и молитвы, которые сочинены и сочиняются разных чинов людьми самовольно, письменные и печатные, без свидетельства и позволения, описав, все отобрать в Приказ духовных дел». В апреле вышел указ о прекращении, действительно, безобразного суеверного обычая: «В российском государстве по городам и селам от невежд происходит некоторое непотребство, а именно: ежели кто не бывает во всю светлую седмицу Пасхи у утрени, такого обливают водою и в реках и прудах купают. И хотя себе простой народ делает все будто на забаву праздничную, однако от той суетной забавы делается не токмо здоровью, но и животу человеческому тщета, ибо оным от невежд купанием в глубинах иногда людей потопляют или разбивают, а сонных и хмельных внезапным обливанием ума лишают». Добавляя, что этот обычай есть воспоминание языческого праздника Купалы, указ предписывает обычай этот «весьма истребить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.